

- Ах...

Чхон Мён повернул голову. Есть люди! После месяца путешествия это была хорошая новость: кто-то жил на якобы разрушенной горе Хуа.

Тяжелая, поврежденная деревянная дверь со скрипом распахнулась на изношенных петлях. Из полуоткрытых ворот показалось чье-то лицо.

- Что, ребенок?

Чхон Мён сразу же убедился, что перед ним мастер боевых искусств. В последний месяц его почти никогда не называли ребенком.- Что, нищий?

- Попрашайка!

- Голодранец путешествует один?

- Он бедняк.

Людам было все равно, стар бродяга или молод. В их глазах, все они были одинаково омерзительны, но Даос повел себя иначе. Он видел в нем обычного «ребенка».

Мужчина озадаченно огляделся.

- Ты пришел сюда один? Как ты умудрился подняться на гору самостоятельно?

- Э-эм... это...

Чхон Мён замялся на мгновение. Я просто поднялся? Он хотел сказать, что нет ничего невозможного при должном упорстве, но не похоже, что в текущей ситуации ему поверят на слово. С его тощим телом он вызовет подозрение, что бы ни сказал. Не надо было оправдываться, объясняться не придется, если перехватить инициативу в разговоре.

- Сейчас есть дела поважнее, я хочу узнать кое-что.

- Хм?

Мужчина закатил глаза. Ребенок пришел сюда совсем один и одно это казалось странным, не говоря уже о том, чтобы он начал задавать вопросы.

- Ты мастер боевых искусств секты Хуашань?

- ...Ты знаешь о секте?

- Я прав?

- Эм, да. Еще не все потеряно! Чхон Мён вздохнул с облегчением. Она должно быть на грани краха; он мог сказать это с первого взгляда, но она не была полностью разрушена, и это было важным моментом. Так или иначе, история продолжается. Чхон Мён решил. Во-первых, гора Хуа — это...

- Заходи пока.

- Хм?

Чхон Мён удивился доброй улыбкой мужчины.

- Солнце садится.

- ...О?

Правильно, уже темнело.

- Ночи на горе Хуа холодные. У тебя был долгий день — если ты рискнешь провести ночь на улице, скорее всего, замерзнешь насмерть. Спускаться с горы в такое время неразумно. Сейчас мы не принимаем гостей, но я не могу отпустить того, кто знает о секте Хуашань, одного спускаться с горы на ночь глядя.

Глаза Чхон Мёна округлились. Не слишком ли он безответственен?

...Если подумать, у него действительно не было причин опасаться Чхон Мёна. Кто останется настороже к такому хилому нищему, как он?

- Если с тобой никто не пришел, и у тебя нет других планов, заходи. Мы послушаем, что ты скажешь позже.

Чхон Мён был немного ошеломлен, а внутри у него словно что-то набухло. Верно. Это оно. В чем смысл делать себе имя с помощью меча? Еще до того, как они взяли в руки меч, секта горы Хуа была известна. Едва ли остались какие-либо следы прошлой Хуашань, но огонь могущественной секты еще не погас.

- Тогда я побеспокою вас этим вечером.

Чхон Мён склонил голову.

- Заходи.

Мужчина позвал его с улыбкой.

- Да. До этого я...

Чхон Мён сделал паузу. Как он должен представиться?

Я не знаю. Он бы не стал сомневаться в простом имени, не так ли?

- Мое имя Чхон Мён. Если это не слишком грубо, могу я узнать имя мастера?

- Чхон Мён, хах. Какое хорошее имя. Я Ун Ам. Поколение Ун. Глаза Чхон Мёна блеснули. Возможно, поколение сменилось? Если он Ун, то этот человек должен быть правнуком?

Поколения Чхон Мёна и Ун с горы Хуа были взаимоисключающими. Они не могли бы

существовать одновременно; в одно время это будут Чхоны, а в другое - Уны. И поскольку к настоящему времени должно быть сменились уже четыре поколения, сейчас нарекают фамилией Ун.Получается, он меня никогда не видел. Даже самые младшие ученики горы Хуа, которые видели Чхон Мёна, были из других поколений, потому этот человек по имени Ун Ам не знал о нем.

Казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как он прошел через эти ворота. Чхон Мён был доставлен на гору Хуа старшим, когда он даже не мог подняться на гору самостоятельно, и теперь он вернулся по собственной воле.

Ему пришлось сделать глубокий вдох. Учитывая то, как они оставили гору Хуа, и обстоятельства его возвращения, не было ничего странного в том, что гора Хуа была голой. Нет, наоборот, это было ожидаемо — и не по вине нынешних людей. Не их вина, что их старших уничтожили, когда они были еще детьми.

Другими словами, Чхон Мён не имел права направлять свой гнев на этих людей. Он даже должен их пожалеть. Если бы Чхон Мён оказался в такой же ситуации, стал бы он изо всех сил защищать Хуашань? Он бы оставил это место и отправился в секту Удан. Разве это не было простым здравым смыслом?Верно. Какое я имею право ругаться на этих детей? Ему было стыдно. Что бы ни случилось, он должен был взять на себя ответственность.

- Хух.

Чхон Мён наконец вошел внутрь.Ахх. Чхон Мён возвращал свое искусство меча на этой огромной площади. Потрескавшийся пол, голубовато-белый камень...

- ...Хм?

Он протер глаза. Голубовато-белый... нет, куда он делся? Почему земля была покрыта песком?

Сахён был недоволен грязью сразу за главными воротами и украсил его дорогим голубым камнем. Несмотря на то, что их постоянная практика повредила его, он так и не снял его.

Так куда же исчезли все эти камни? Был ли нынешний лидер секты просто более прагматичным, чем Чан Мун Сахён?

- Угх.

Он чувствовал приближение головной боли.Давайте сохранять спокойствие. Спокойствие. И безмятежность. Какой смысл заморачиваться из-за каких-то голубых камней?

Верно. Просто камни. Какими бы дорогими они ни были, они были просто голубыми кусками камня. Даже если Чан Мун Сахён преследовал учеников за то, что они оставляли на нем трещины, это все равно были обычные камни... Люди рождаются, камни появляются; камни пропадают, люди тоже умирают... Ах, и люди и камни приходят и уходят.

Так или иначе!Скорее всего, он был продан. Для секты было важнее выжить, чем защитить камни. Да, это было важнее...Давай просто успокоимся.

- Фух. Фух.

Чхон Мён медленно и глубоко вздохнул. Спасибо тем, кто сохранил имя горы Хуа, продав эти камни...Куда делся Небесный Золотой Дворец?Ах, я не вижу. Что за черт? Небесный Золотой Дворец был зданием, а не живым существом. Он не мог просто убежать, верно? Но как бы он ни смотрел, Небесный Золотой Дворец сменился бесплодной землей.

- ...Эммм.

- Да?

- Т-там.

Чхон Мён указал дрожащим пальцем туда, где должен был быть Небесный Золотой Дворец.

- Эм, земля там кажется странной... там что-нибудь было?

- А, кажется, у тебя хорошее зрение. Изначально в этом месте был дворец.

Он «был»? Куда же он делся?

- Ха-ха. Это не та история, которую стоит слушать такому молодому человеку, как ты.

Да говори же ты уже! Я знаю это место лучше тебя!

- Я думаю, это рана славы. Мне стыдно говорить это как мастеру боевых искусств.

- ...Слава в моей заднице.

- Что?

- Ничего

Чхон Мён был в растерянности. Исчезли синие камни, исчезла вывеска, исчезло и лучшее место в секте. Куда бы ни дул ветер, он видел лишь пепелище.

Это секта Хуашань? Вот это? Он бы больше поверил, если бы вы сказали ему, что оно принадлежит тем гнилым ублюдкам из Демонического Культа.

- Ааааа.

- У тебя все нормально?

- Ах, все в порядке. Ничего страшного. Совсем ничего.

Однако каждый раз, когда он вдыхал, ему казалось, что он рот забивался пылью.

- Немного...

- Хм?

- Здесь кажется, немного... пустынно

Ун Ам грустно улыбнулся, горькое выражение лица ранило Чхон Мёна.Верно... конечно, так и

было. Люди, которые защищали гору Хуа, как и Ун Ам, больше всего пострадали от ее упадка. Если бы у них была возможность, они бы не позволили секте так пасть; если бы они не были столь верны, остались бы они, даже когда все рухнуло? Вы, должно быть, много страдали. Одна только мысль об этом тяготила его сердце. Как бы тяжело это ни переживал Чхон Мён, это было ничто по сравнению с горем тех, кто защищал секту все это время.

- Подойди сюда.

- ...Да.

- Когда приходит гость, правильно дать ему место для отдыха. Однако гора Хуа — это секта, и есть правило, которому должны следовать гости. Я понимаю, что ты хочешь отдохнуть, но сначала ты должны засвидетельствовать свое почтение.

Чхон Мён послушно кивнул. Ун Ам привел его в место, похожее на святилище. Хотя на горе Хуа было несколько значимых храмов, не будет преувеличением сказать, что святилище Окчхон был самым важным. Чхон Мён не отказался от учения горы Хуа, поэтому было правильно войти и помолиться. В эти трудные времена он был благодарен за предложение Ун Ама.

И все же он не был готов увидеть внутреннюю часть храма. Вся гора Хуа была в руинах — мог ли храм быть другим? Не буду слишком удивляться. Он сделал бодрящий вдох.

- Сюда.

- Да.

Чхон Мён собрался с мыслями и вошел в храм.

А потом резко остановился. Окчхон обчистили. Все, что он мог видеть, это портрет, курильница и несколько мелких предметов.

Такой скромный. Скромный... Чхон Мён застонал и затрясся.

- Г-где...

Где золотые подсвечники, подаренные императором Цзинь? Где золотые свитки с благословениями предка?

Но не это больше всего удивило Чхон Мёна.

- Э... это.

Нет. Ни за что. Нет. Куда делся?

Чхон Мён едва успел поднять дрожащий палец вперед.

- Что такое?

- Т-там должен быть цветок, верно?

- Цветок?

- ...Да. Цветок!

- Как ты узнал о нем?

- Я... он был там, да? Так где же он?

Ун Ам вопросительно склонил голову. Он о многом хотел спросить этого ребенка, но его искаженное лицо умоляло его об ответе.

- Правильно, там был один. Цветок сливы из странного белого металла.

- Да! Именно этот цветок! Куда он делся?

- Продали.

- ...А?

- Он не был особенно полезным и плохо вписывался в атмосферу секты, и как раз нашелся торговец, которому приглянулся цветок. Поэтому мы продали его по хорошей цене.

- П-продали...

- Верно. Но ты-

- Хух! Хух! Что?! Глаза Чхон Мёна сверкали безумством.

Белый ароматный цветок сливы — наряду с Божественным мечом Пурпурного Облака, был одним из двух священных предметов секты. Он не блестел, как золото, и не сиял, как драгоценные камни, но, как говорили, он содержал самую суть секты Хуашань.

А эти сумасшедшие продали его.

- Е-есть и другие вещи на продажу! Но вы продали именно его! Вы идиоты...

Сочетание шока и усталости, наконец, одержало над ним верх, отправив Чхон Мёна на землю.

Он почти мог видеть испуганную фигуру Чан Мун Сахёна.

Разрушена. Секта горы Хуа была разрушена. Полностью разрушена. Сахёон!

Чхон Мён потерял сознание.